

07.00.00 Historical sciences and archaeology

07.00.00 Исторические науки и археология

UDC 93/94

**“Memory Sites Concept” or
Relevance of Commemorative Vigilance of Today’s History
 (“France-memory” by P. Nora Case Study)**

Elena G. Putilova

Nizhniy Tagil State Social and Pedagogical Academy, Russia
Krasnogvardeiskaya street, 57, Nizhniy Tagil, Sverdlovsk region, 622031
PhD (history), senior lecture
E-mail: putilovaelena2011@mail.ru

Abstract. Analyzing the work of French sociologist P. Nora, the author considers the “memory sites”, which became widely known in foreign academic circles in late 1980s and in Russia from the early 2000s. The article defines “memory site” as it used by P. Nora. Particularly, the sociologist’s opinion that memory sites should be considered as a physical object, as well as topographic or symbolic image arouses interest.

Keywords: history; memory; historical memory; memory sites; commemoration; commemorative consciousness.

*«Места памяти
— это наш момент национальной истории»
(П. Нора «Франция-память»)*

Введение. Концепция «мнемонических мест» (известная также как концепция «мест памяти»), предложенная в начале XX века Морисом Хальбваксом, а позже, в 1980-е гг. продолженная Пьером Нора, – на сегодняшний день, становится все более популярной и актуальной с точки зрения объяснения влияния памятных мест на историческую память того или иного народа. Позиция вышеуказанных исследователей состоит в том, что мнемонические места укрепляют стереотипы нашего сознания, пробуждая специфические воспоминания о прошлом. Поэтому, коммеморация столь важна и в политическом плане, и в педагогическом (ведь, посещение мнемонических мест и связанные с этим ритуалы – один из самых действенных способов развития исторической памяти, особенно для подрастающего поколения).

Следуя возрастающей, с начала 2000-х гг., тенденции мировой и отечественной науки обращаться к «концепции мест памяти», автор данной статьи ставит своей целью охарактеризовать взгляды П. Нора относительно «мест памяти», изложенные им в книге «Франция-память».

Свое произведение «Франция-память», П. Нора начинает с достаточно «прискорбной» фразы: «...О памяти столько говорят только потому, что ее больше нет» [1]. Задумавшись над его словами, начинаешь понимать, что исследователь, к сожалению... прав. Интерес к местам памяти, где память кристаллизуется и находит свое убежище, связан именно с таким особым моментом нашей истории. Это поворотный пункт, когда осознание разрыва с прошлым сливается с ощущением разорванной памяти, но в этом разрыве сохраняется еще достаточно памяти для того, чтобы могла быть поставлена проблема ее воплощения. Чувство непрерывности находит свое убежище в местах памяти. Многочисленные места памяти существуют потому, что больше нет памяти социальных групп.

По мнению П. Нора, места памяти – это останки. Крайняя форма, в которой существует коммеморативное сознание в истории, игнорирующей его, но нуждающейся в нем. Деритуализация нашего мира заставила появиться это понятие. Это то, что скрывает, облачает, устанавливает, создает, декретирует, поддерживает с помощью искусства и воли

сообщество, глубоко вовлеченное в процесс трансформации и обновления, сообщество, которое по природе своей ценит новое выше старого, молодое выше дряхлого, будущее выше прошлого. Музеи, архивы, кладбища, коллекции, праздники, годовщины, трактаты, протоколы, монументы, храмы, ассоциации — все эти ценности в себе — свидетели другой эпохи, иллюзии вечности. Отсюда — ностальгический аспект проявлений почтения, исполненных ледяной патетики.

Места памяти рождаются и живут благодаря чувству, что спонтанной памяти нет, а значит — нужно создавать архивы, нужно отмечать годовщины, организовывать празднования, произносить надгробные речи, нотариально заверять акты, потому что такие операции не являются естественными. Вот почему охрана меньшинствами спасенной памяти в специальных, ревностно оберегаемых центрах способна лишь накалить добела истину всех мест памяти. Без коммеморативной бдительности история быстро вымела бы их прочь. Это и есть главные бастионы мест памяти. Но если бы тем, кто их защищает, ничто не угрожало, то не было бы необходимости их строить. Если воспоминания, которые они заключают в себе, были бы действительно живы, в этих бастионах не было бы нужды. Если бы, напротив, история не захватила их, чтобы деформировать, трансформировать, размять и превратить в камень, они не стали бы местами для памяти. Именно такое движение туда и обратно составляет их суть: моменты истории, оторванные от течения истории, но вновь возвращенные ей. Уже не вполне жизнь, но еще и не вовсе смерть, как эти ракушки, оставшиеся лежать на берегу после отлива моря живой памяти.

Таким образом, Нора приходит к выводу: «то, что сегодня называется памятью, относится не к памяти, но уже к истории. Всё, что называют горением памяти, есть окончательное исчезновение ее в огне истории. Потребность в памяти есть потребность в истории» [2].

По мере исчезновения традиционной памяти мы ощущаем потребность хранить с религиозной ревностью останки, свидетельства, документы, образы, речи, видимые знаки того, что было, как если бы это все более и более всеобъемлющее досье могло стать доказательством неизвестно чего на неизвестно каком суде истории. Сакральное инвестирует себя в след, который является его отрицанием. Невозможно предсказать, что надо будет вспомнить. Отсюда — запрет разрушать, превращение всего в архивы, недифференцированное расширение мемориального поля, гипертрофированное раздувание функции памяти, связанное именно с чувством ее утраты, и соответственной усиление всех институтов памяти. Странную метаморфозу претерпели профессионалы, которых раньше обычно упрекали в мании сохранения, в том, что они являются прирожденными производителями архивов. Сегодня частные предприятия и государственные учреждения нанимают архивистов, требуя от них сохранения всего, тогда как профессионалы уже поняли, что главное в их ремесле состоит в искусстве подконтрольного разрушения.

П. Нора справедливо замечает, что за несколько лет материализация памяти тоже стала чрезмерно распространенной, децентрализованной, демократичной. В классическую эпоху было три источника пополнения архивов: знатный род, церковь и государство. А сегодня, почти каждый человек считает себя обязанным записать свои воспоминания, написать свои «мемуары». То же самое касается и ажиотажа вокруг генеалогических исследований. На сегодняшний день, практически каждая семья (какой-нибудь из ее членов) увлечена поиском сведений о происхождении своего рода. Так, на примере Франции, П. Нора приводит следующие сведения: «годовой отчет Национального архива приводит цифру — 43 % обращений такого рода от общего числа посещений против 38 % посещений архива университетами. Поразительный факт: не профессиональные историки являются авторами наиболее значительных исследований» [3].

Интересными представляются для нас рассуждения П. Нора о том, что же такое «места памяти»: все ли исторические события, явления, географические места или памятники мы можем отнести в категорию «место памяти». Так, исследователь подчеркивает, что «места памяти», на самом деле, являются местами в трех смыслах слова — материальном, символическом и функциональном,— но в очень разной степени. Даже место, внешне совершенно материальное, как, например, архивное хранилище, не является местом памяти, если воображение не наделит его символической аурой. Даже чисто функциональное место, такое как школьный учебник, завещание или ассоциация ветеранов, становится членом этой

категории только на основании того, что оно является объектом ритуала. Минута молчания, кажущаяся крайним примером символического значения, есть как бы материальное разделение временного единства, и она же периодически служит концентрированным призывом воспоминания. Три аспекта всегда сосуществуют [4].

Что касается «великих событий» – как мест памяти, – П. Нора выделяет два их типа. С одной стороны, события иногда безвестные, едва замеченные в тот момент, когда они происходили, но которым будущее ретроспективно пожаловало величие истоков, торжественность разрывов, открывающих новые эпохи. И с другой стороны, события, в ходе которых до известной степени ничего не происходит, но которые мгновенно обретают глубоко символический смысл и становятся в самый миг их развития своей собственной досрочной коммеморацией. История современности благодаря средствам массовой информации каждый день множит такие мертворожденные попытки.

Символическая составляющая мест памяти, также, по П. Нора, состоит из двух противоположных элементов: из доминирующих и доминируемых мест. Первые, поразительные и триумфальные, значительные и обычно подавляющие, будь то в силу национального или административного авторитета, но всегда стоящие на возвышении, обычно обдают холодом и торжественностью официальных церемоний. Туда приходят против воли. Вторые – это места-убежища, святилища спонтанной преданности и безмолвных паломничеств. Это живое сердце памяти. Во «Франции-памяти» П. Нора приводит следующие примеры подобных символических мест памяти: «С одной стороны, Сакре-Кер, с другой – популярное паломничество в Лурд; с одной стороны – национальные похороны Поля Валери, с другой – захоронение Жан-Поль Сартра; с одной стороны – траурная церемония в Нотр-Дам в связи со смертью де Голля, с другой – кладбище Коломбо» [5].

Таким образом, в своей работе «Франция-память», П. Нора показывает, что особый интерес для него представляют не события прошлого, а скорее их репрезентации. Место памяти для него – это не только физическое, топографическое место, но и символическое. Нора представляет в качестве мест памяти архивы, французский флаг, праздничные церемонии. Е. Трубина пишет: «П. Нора подчёркивает, что наиболее фундаментальная цель подобных мест – “остановить время, заблокировать работу забвения”. Однако места памяти выполняют свою функцию не всегда. Легче помнить славное прошлое, чем прошлое трагическое [6].

Поддерживая идеи М. Хальбвакса о том, что «история» и «память» – противоположные явления, П. Нора говорит о том, что память – это жизнь, носителями которой всегда выступают живые социальные группы, и в этом смысле она находится в процессе постоянной эволюции, она открыта диалектике запоминания и амнезии, не отдает себе отчета в своих последовательных деформациях, подвластна всем использованиям и манипуляциям, способна на длительные скрытые периоды и внезапные оживления. История – это всегда проблематичная и неполная реконструкция того, чего больше нет. Память – это всегда актуальный феномен, переживаемая связь с вечным настоящим. История же – это репрезентация прошлого» [7].

Выводы. У П. Нора речь идёт не столько об истории, сколько о том, как предметы и вещи входят в историю. В современном, стремительно меняющемся мире, чтобы не исчезли многие вещи, создаются разнообразные учреждения – «институты памяти» – архивы, музеи, библиотеки, банки данных, и это зеркало нашей идентичности. Решение проблемы поиска и кризис идентичности в контексте коллективной памяти сталкивается со многими опасностями. С одной стороны, общество теряет свою идентичность, и наступает ситуация, когда коллективная память насаждается, культивируется посредством проведения регулярных ритуалов, создания мемориалов и других коммемораций, чтобы легитимизировать различные государственные идеологии. Существует стремление «пригласить» историю. Что касается городской застройки или реставрации памятников, то не исключены воздействия властей на жителей города с целью принятия такой версии прошлого, которая устраивает городские власти. С другой стороны, проблема идентичности в современном обществе связана с обилием травматических событий в современной истории и с запаздыванием признания их значимости (Вторая мировая война, Холокост, Гулаг). Жертвы же этих событий страдают от разрушения идентичности.

Примечания:

1. Нора П. Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. С. 17.
2. Нора П. Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. С. 28.
3. Нора П. Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. С. 32.
4. Нора П. Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. С. 39.
5. Нора П. Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. С. 46.
6. Романовская Е.В. Морис Хальбвакс: культурные контексты памяти // Известия Саратовского университета. 2010. Т. 10. Серия. Философия. Психология. Педагогика. Вып. 3. С. 42-43.
7. Нора П. Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. С. 2.

УДК 93/94

**«Концепция мест памяти» или актуальность коммеморативной бдительности истории на современном этапе
(на основе произведения П. Нора «Франция-память»)**

Елена Геннадьевна Путилова

Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия, Россия
ул. Красногвардейская, г. Нижний Тагил, Свердловская область, 622031
Кандидат исторических наук, старший преподаватель
E-mail: putilovaelena2011@mail.ru

Аннотация. Обращаясь к анализу произведения французского социолога П. Нора «Франция-память», автор рассматривает «концепцию мест памяти», получившую наибольшую известность в зарубежных научных кругах в конце 1980-х гг., и ставшей популярной в России с начала 2000-х гг. В статье дается определение «места памяти» в том виде, в котором употребляет его П. Нора. В частности, представляет интерес мнение социолога о том, что места памяти следует рассматривать не только в качестве какого-либо физического объекта, но и в качестве топографического или символического образа.

Ключевые слова: история; память; историческая память; места памяти; коммеморация; коммеморативное сознание.